

Мемуары участников белого и повстанческого движения как источник по истории Гражданской войны

Основным источником освещения событий Гражданской войны по-прежнему остаются документы органов советской власти, коммунистической партии и воспоминания участников одной и победившей стороны, что, конечно, в значительной степени снижает достоверность освещаемых событий. Лишь в последнее время историками активно стали использоваться мемуары белоэмигрантов. Наряду с ними, воспоминания об этой войне пополняются сохранившимися и выявленными на местах раритетами Белого движения в форме дневниковых записей.

Такими, к примеру, являются записки штабс-капитана 2-го броневого автомобильного дивизиона Владимира Владимировича Зверева, которые были обнаружены в одном из архивов [1]. Об авторе известно лишь, что он являлся потомственным военным, участником Первой мировой и затем Гражданской войны. В отличие от своего отца, известного и погибшего генерала, судьба этого человека остается неизвестной.

Будучи рассекреченным еще в 1930-е гг., этот архивный документ представляет выписки из пока не найденного и, вероятно, объемного дневника Зверева. Осуществленные музейным работником А. К. Фефеловой, они начинаются с сообщения о том, что изъяты из 12-й тетради, в которую автор стал заносить записи, начиная с 19 ноября 1917 г. Вторую часть архивного дела составляет "Дневник слухов". Совмещенные в одно единое целое соответственно с хронологией, данные записи рассказывают о настроениях и поведении лиц, окружавших автора и участвовавших в событиях, имевших место в Красноярске с января по июль 1918 г. Речь идет о мятеже Красноярского казачьего дивизиона и антибольшевистском перевороте, который недавно краеведы объявили "освобождением Сибири".

Данные события, издавна вызывая жгучий интерес у всех, кто интересуется историей Сибири, обрели в отечественной историографии новую оценку. Так, названное в советское время "сотниковской авантюрой", вооруженное противостояние енисейских казаков и советской власти в современных публикациях обозначено уже в качестве одной из первых реакций российского общества на большевистскую политику расказачивания и свертывания демократических свобод. Переворот, происшедший в июне 1918 г. и названный советскими авторами "контрреволюционным", сегодня переосмыслен историками и предстает уже как "антибольшевистское" деяние.

Между тем остаются вопросы, на которые хотелось бы получить более полные ответы. К примеру, интересной и незавершенной из-за недостатка сведений страницей истории является создание и деятельность антибольшевистского подполья, существовавшего в Сибири в первой половине 1918 г. Первые инициативы об организации нелегальных вооруженных формирований принадлежали офицерам военного отдела Временного областного совета еще в январе того же года. После разгона Сибирской областной думы большевиками созданные группы перешли на нелегальное положение и продолжили вербовку добровольцев в свои ряды. Спустя десять лет, первым о сибирских "контрреволюционных" организациях того времени рассказал известный сибирский большевик В. Д. Вегман, который сообщил, что Красноярская организация насчитывала по одним данным 600, а по другим - не более 480 человек [2, с. 141].

Возвращаясь в Красноярск, демобилизованные офицеры переживали материальные затруднения. Подполковник М. И. Мальчевский, чтобы прокормить семью, чинил ботинки. Уволенный без средств существования, полковник В. П. Гулидов добрался до Красноярска в солдатской шинели и "обросший". Здесь же оказался и генерал-майор А. И. Камберг, когда-то служивший командиром 29-го Сибирского стрелкового полка, чье положение также являлось незавидным. В городскую милицию пошли

служить бывшие фронтовики - подпоручик В. Коротков, прапорщики К. Хороманский и В. Соловьев. Дело доходило до организации артели поденщиков, состоявшей из недавних офицеров, способных зарабатывать на жизнь разгрузкой вагонов на железнодорожной станции.

Вместе с тем бывшее офицерство начало консолидироваться. Так полковник Б. Г. Ляпунов состоял в тайной организации с 20 апреля. Занимаясь созданием подполья, он объединил вокруг себя 37 человек. Членами военной организации здесь назывались в прошлом полковник Б. М. Зиневич, подполковник В. Я. Мезин, штабс-капитаны В. В. Воскресенский, И. М. Труш, Черемнов и А. В. Черкашин, подпоручики Бушинский, Добжинский, Н. и К. Соколовские, прапорщики Антонов, Головкин, Пикулевич и Тихомиров. Её первым военным руководителем являлся поручик или прапорщик С. П. Лысенко.

Красноярскому подполью приходилось существовать в городе, где позиции большевиков были безоговорочно сильны. Поэтому подпольщикам длительное время не удавалось наладить связи с другими центрами и приходилось соглашаться на руководство со стороны эсеров и областников-автономистов. Существующий якобы подпольный губернский комиссариат возглавлял известный в Красноярске врач и общественный деятель-областник Вл. М. Крутовский, его членами стали социалисты-революционеры из числа местной интеллигенции Н. Н. Козьмин, П. З. Озерных и П. С. Доценко. Одной из проблем подпольщиков являлась нехватка оружия, а также недостаточное финансирование, вынуждавшее некоторых офицеров покидать город в поисках заработка. Возможное влияние на самоорганизацию подполья оказывало подавление казачьего мятежа, показавшего, что советы церемониться с противником не будут. Играла роль и апатия бывших офицеров.

В мае 1918 г. с визитом в Красноярск прибыли ново-николаевские подпольщики А. Н. Гришин-Алмазов, П. Я. Михайлов и П. П. Белов. Поддерживаемые подпольным губернным комиссариатом, они подчинили

себе красноярскую организацию и поставили во главе её Гулидова. С этого времени стала расти численность подпольщиков, появилось оружие.

Однако есть свидетельства и о том, что антибольшевистское подполье в Красноярске было лишь выразителем настроений определенных кругов населения и не охватывало всего офицерства. Зная о существовании организации, но не испытывая симпатии к эсерам и областникам, его представители так и остались в качестве идейных сторонников мятежа. Во всяком случае, посланец вооруженных сил юга России генерал В. Е. Флуг, побывавший в большинстве крупных сибирских городов, красноярских подпольщиков вообще не заметил.

Обнаруженные в специальном архиве [3], показания самого Гулидова на допросах в Особом отделе ВЧК 5-й армии (май 1920 г.) говорят о том, что он знал из разговоров с бывшими сослуживцами о существовании некоей тайной организации, состоявшей из железнодорожных служащих, рабочих и бывших офицеров. Однако он вступил в неё только после 15 мая 1918 г., т.е. за месяц до переворота, и лишь по приглашению вышеупомянутого Гришина-Алмазова. При этом допрашиваемый счёл возможным еще раз сказать о параллельном с офицерской организацией существовании в Красноярске еще какого-то подполья, членов которого он якобы не знал. Понятно, что Гулидов, спасая собственную жизнь, не до конца был откровенен с чекистами и всячески преуменьшал антибольшевистскую значимость своей деятельности.

Вероятно, в этом случае полезным будет обратиться к еще одному свидетельству. Оказавшись очевидцем, Зверев оставил свои впечатления об обстановке в Красноярске того времени и тем самым максимально приблизил читателей к собственному прочтению истории.

Другим источником новых сведений оказался фолиант, обнаруженный при разборке старого частного дома в одном из селений Красноярья и переданный в Больше-Муртинский краеведческий музей. Рукопись при ознакомлении оказалась дневником белого офицера и вызвала своим

содержанием восторг среди первых читателей. Названный "чудом", обнаруженный раритет, поразил их рассказом о чувствах, настроениях и критическом отношении этого человека к сослуживцам и белому режиму. Сочтя его повествованием, выполненным на уровне писательского мастерства И. А. Бунина, один из краеведов назвал автора дневниковых записей личностью, выполнявшей "историческую" задачу "предупреждения потомков" от новой революционной опасности [4, 20 января].

Между тем для историков и краеведов этот дневник служит важным документом, существенно дополняющим описание формирования и участия в боях на фронтах Гражданской войны воинских частей из сибирских регионов. Из ранее написанного известно, к примеру, что с падением советской власти в Красноярске командующий войсками Енисейского района полковник Гулидов 20 июня 1918 г. приступил к созданию 1 Енисейского стрелкового полка и легкой батареи. В частности, из Минусинска в Красноярск для пополнения полка пароходом 29 июня были доставлены 60-70 добровольцев, бывших юнкеров и офицеров, которые оказались зачисленными в пехоту, разведку и артиллерию [5, 1 августа]. Первым его командиром стал полковник Б. М. Зиневич. В июле-августе 1918 г. части этого полка принимали участие в боевых действиях вдоль Транссибирской магистрали, которые завершились ликвидацией войск Центросибири в Забайкалье.

Перейдя под командование подполковника М. И. Мальчевского, енисейцы с 26 августа того же года стали называться 4 Енисейским Сибирским стрелковым полком, входившим в состав 1-й Сибирской стрелковой дивизии 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. В октябре 1918 года эта часть, насчитывая 1186 штыков [6, с. 131], перебазировалась на Урал, войдя в одну из групп войск Сибирской армии. Приступив к боевым действиям, полк в конце ноября продвинулся в наступательном порыве так, что это создало угрозу для тылового удара по Красной армии в районе Кунгура. 24 декабря 1918 г. енисейские стрелки совершили в 30-градусный

мороз 35-верстный переход и ворвались в г. Пермь. На следующий день противник попытался наступать, но с подходом свежих частей енисейцы захватили город и железнодорожный мост. В ходе Пермской операции 3-я Красная армия потеряла до 18 тыс. бойцов, 37 орудий и 248 пулеметов [7, с. 30-42; с. 190-191, 366, 374-376, 380].

18 января 4 Енисейский полк в составе 1600 бойцов под командованием полковника Н. Ластовского сменил части 4-й Степной Сибирской дивизии и повел наступление против 30-й дивизии красных в районе д. Железновой. Но встреченные огнем противника, его части были вынуждены отступить и оставить Нытвенский завод и д. Усть-Нытва. 27-28 января енисейцы заняли ряд селений, отбросили красных за р. Каму, а в первых числах февраля сорвали их попытку захватить д. Долгий Мост. К середине этого же месяца боевые действия на участке 1-й Сибирской дивизии затихли. Состоявший из 1117 штыков, 32 пулеметов и 5 орудий, 4 Енисейский полк в это время противостоял 1 и 2 Красноуфимским, 1 Кунгурскому и Богоявленскому полкам Красной армии, объединявшим 3900 штыков, 48 пулеметов и 9 орудий [8, с. 13-17].

Дальнейшая судьба этой воинской части лишена подробностей, столь важных для воссоздания полной картины событий и истинного облика белых воинов, которые в публикациях советского времени уничижались, а сейчас, случается, идеализируются.

Источником такой конкретики и явился найденный дневник Петра Павлиновича Чащина, родившегося в 1893 г. и происходившего из крестьянской старожильческой семьи, проживавшей в с. Айтат Большемуртинской волости Красноярского уезда Енисейской губернии. После учёбы в Красноярской учительской семинарии Чащин служил сельским учителем. Во время германской войны он был призван в армию и, вероятно, окончил школу прапорщиков. В 1917 г. Чащин вступил в партию социалистов-революционеров. Под красными и чёрными знаменами участвовал в торжественных похоронах погибших во время

"братоубийственной войны" в Иркутске. Считая Брестский мир позором, он намеревался ехать на фронт в составе революционной роты. Когда же началась Гражданская война, то Чащин пошёл добровольцем в Сибирскую армию. В 1919 г. он был прапорщиком и взводным командиром 4-й роты 4 Енисейского полка, затем её начхозом.

После воинской службы Чащин проживал в родном селе и, скорее всего, разделил участь лиц, служивших белому режиму. В списке белых, составленном историком С. В. Волковым, обозначен Чащин Петр Павлович, уроженец Енисейской губернии, прапорщик, воевавший в белых войсках на Восточном фронте. Взятый в плен, он с 1923 г. состоял на особом учёте в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Тот же человек упоминается среди репрессированных, списки которых были составлены местным обществом "Мемориал". Осенью 1930 г. он привлекался по 58-й статье УК РСФСР, но дело было прекращено. Вероятно, Чащин был убит односельчанами.

Еще одним раритетом, созданным в той сложной обстановке, когда документация крестьянскими повстанцами не велась или не сохранилась, стали воспоминания одного из ближайших сподвижников И. Н. Соловьева. Сохранившаяся в одном из архивов Сибири [9, л. 233-239], рукопись под названием "История и движение бандитизма (Томская и Енисейская губернии)" была написана Алексеем Кузьмичем Зиновьевым. Заведую агрономическим участком в Кузнецком уезде Томской губернии, он после угроз расправиться бежал в тайгу, где под псевдонимами "полковник Макаров" и "полковник Зак" служил начальником штаба в "бандах" Родионова и Соловьева. Своей деятельностью Зиновьев способствовал созданию Горно-конного отряда, действовавшего под монархическим знаменем. С захватом истребителями повстанческого зимовья он ушел в сторону границы, где и сдался властям. Написанная в стенах Красноярского политического изолятора, рукопись его воспоминаний использовалась чекистами для создания обвинительного заключения по делу "банды"

Соловьева. В ноябре 1923 г. Зиновьев был осужден Енисейским губернским судом и в феврале 1924 г. расстрелян.

Подготовленные автором и уже опубликованные дневниковые записи Зверева [10, с. 155-179], а также мемуары Чащина, изданные красноярским краеведом (Русское поле. 2012) и нами [11, с. 19-35; с. 138-164], содержат следующие ценные для науки сведения и наблюдения:

1. Изложенная Зверевым информация расширяет имевшиеся познания о состоявшемся в Красноярске казачьем мятеже. Более очевидным становится, что столкновение между казаками и местным совдепом было обусловлено не столько необходимостью разоружения одной из сторон, сколько целями политической борьбы - усилением большевистской власти. Оно, как рассказывает автор дневника, сопровождалось сужением демократических свобод, которое выразилось в арестах политической оппозиции, закрытии газет и разгоне общественных организаций, а также в создании информационного вакуума, заполнявшегося народными выдумками. Аккуратно заносимые в дневник, множественные слухи чаще всего были ложными и невероятными. Однако они лучше всего передавали состояние общества и свидетельствовали о существовании в сибирской провинции многих людей, проводивших смутное время в мире иллюзий, об отрицательном отношении обывателей к советской власти и падении человеческих нравов.

Отнесенный к категории политических и социальных изгоев, демобилизованный штабс-капитан с удовольствием вспоминает о пикниках, гуляниях, спектаклях и вечерах близкой ему молодежи, на которые власти, будучи бессильными, закрывали глаза. Следовательно, в отсутствие возможностей диктат большевиков в Красноярске тогда не был всеохватывающим и жестким.

В силу понятных причин Зверев не рассказывает о деятельности городского антибольшевистского подполья. Но в то же время он свидетельствует о его наличии в Красноярске и говорит, что офицерская

организация была слабой, а её члены, кроме вероятного и обычного в таких условиях отрицательного отношения к большевистской власти, ничем конкретным и действенным не отличались. Даже зная о наличии в городе подпольщиков, автор, как и многие его сотоварищи, принял только минимальное участие в свержении советской власти и установлении правления областников. Тем самым он еще раз подтверждает известный тезис о неожиданности для всех произошедшего переворота, главной ударной силой которого явились чехословацкие легионеры, и осуществления его относительно малой кровью.

Особую значимость для понимания исхода начавшейся вооруженной борьбы имеют утверждения автора о наблюдаемых им уже летом 1918 г. проявлениях равнодушия в настроениях обывателей и мягкости в поведении военной администрации. Среди других, данная тенденция, в конечном итоге, и привела белую власть к крушению.

2. Изложенное же Чащиным содержит неизвестные и конкретные сведения о боях на Восточном фронте, начиная с весны 1919 г., рассказывает о поведении и настроениях сослуживцев, взаимоотношениях между офицерами, солдатами, командованием и окружающим населением, наконец, о бытовых тяготах военного времени. В отличие от известных мемуаров, созданных представителями белой эмиграции, он выражает взгляд на Гражданскую войну в сущности её массового и почти рядового участника. Освещая скромный быт, ратные мучения и переживания белых аргонавтов, показывая облик их воинства как бы изнутри, автор существенно сглаживает границы между "двумя мирами", которые со времен красного командира и советского писателя В. Я. Зазубрина существовали в восприятии читателей. Одновременно его воспоминания утверждают, что уже с лета 1919 г. Белая армия начала разлагаться, терять веру в победу и поддержку со стороны местного населения. Являясь составной частью российского социума, белые, в зависимости от происходившего, выступали то героями и мучениками, то политической силой, разрушавшей общественные скрепы.

Наконец, рукопись воспоминаний Зиновьева, подготовленная к опубликованию в новосибирском журнале "Гуманитарные проблемы военного дела", содержит своеобразное объяснение причин и завершения крестьянского повстанчества. Исходя из них, следует, что оно, возникшее и существовавшее в условиях сибирской периферии, было сложным явлением, не укладывающимся в рамки какой-то реальной "идеологии". Несмотря на незначительность участников, в его рядах находились представители всех слоев деревенского общества. Рядом с вынужденным и обычным грабежом населения некоторое время существовало организованное сопротивление в виде отрядов, где неграмотная инородческая беднота воевала с коммунистами под монархическими лозунгами, не имевшими, вероятно, над ними скрепляющей силы. Трагический конец подобных сообществ являлся закономерным.

Оценивая содержание этих дневниковых записей в целом, надо сказать, что они, несмотря на определенную субъективность, способствуют углублению познаний о Гражданской войне, делают её события более понятными, а главное - обставляя их новыми фигурами, так сказать, очеловечивают историю.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 739.
2. Вегман В.Д. Сибирские контрреволюционные организации 1918 г. // Сибирские огни. - 1928. - Книга первая.
3. Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. П. - 23386.
4. Аференко В. Война февраля с октябрем. К 95-летию окончания Гражданской войны в Красноярье // Красноярская газета. - 2015.
5. Труд. - 1918.
6. Белая гвардия. - 2001. - № 5.
7. Ситников М.Г. Пермь пала! // Белая армия. Белое дело. - 2003. - № 13; Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. - Новосибирск, 2010.
8. Ситников М.Г. 4 Енисейский Сибирский стрелковый полк в боях за Пермь // Белая армия. Белое дело. - 2015. - № 22.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. 302. Оп. 1. Д. 687.
10. Владимир Зверев. "Город ожил, совет бежал, появилась новая власть..." Выписки из дневника. Предисловие Александра Шекшеева // Сибирские огни. - 2016. - № 9.
11. 4 Енисейский сибирский стрелковый полк в боевых действиях на Восточном фронте. 1919 г.: воспоминания участника. Подготовка публикации А.П. Шекшеева // Белая армия. Белое дело. - 2015. - № 22; Петр Чашин. "Словно не домой я вернулся..." Одиссея белогвардейца на Восточном фронте. Предисловие Александра Шекшеева // Сибирские огни. - 2016. - № 6.

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации "Общество Мемориал", 655017,

Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59-49, тел.
83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru